

Убить Батюя!

Автор:

Наталья Павлицева

Убить Батюя!

Наталья Павловна Павлицева

НастяДева войны #3

Она «провалилась» в прошлое на восемь столетий – из XXI века в XIII, из современной Москвы в страшную зиму Батыева нашествия. Она участвовала в обороне Рязани и Козельска, который монголы прозвали «Злым городом», сражалась в отряде Евпатия Коловрата и возглавила черниговскую дружину после гибели князя. У нее на щеке шрам от татарской сабли – и незаживающие рубцы на душе. Потому что ей пришлось видеть слишком много горя, крови и пепла. Потому что, несмотря на все попытки изменить ход истории, Орда продолжает топтать Русскую Землю. И чтобы остановить эту железную саранчу, спасти родину и предотвратить двухвековое Иго, остается одно – любой ценой УБИТЬ БАТЮЯ!

Наталья Павлицева

Убить Батюя!

Вызов

Козельск пал. Но мы вовсе не расстроились. Пали, собственно, только стены, которые Батый, прозвав его «Злым городом», велел разрушить. Ну и пусть.

Вопреки летописям в городе не погибли жители. Женщины и дети уплыли на лодках через водные ворота, поддержанная всадниками князя Романа из леса, конная дружина Козельска сумела прорваться через ордынские ряды, а ворвавшихся в город монголов попросту там и спалили, закидав разбросанную по улицам и дворам ветошь горшками с «греческим огнем». И даже оставшийся в Козельске Вятич со своими воинами после поджога сумел уйти. Спаслись, конечно, не все, но ведь спаслись же! А ордынцев погубили несметное количество, Батый соврал, что всего четыре тысячи, их было во много раз больше!

После полутора месяцев осады и нескольких дней штурма татары не сумели даже использовать осадные машины, мы им не позволили.

Вятич прав – доблесть не в том, чтобы уложить всех до единого у городских стен или за ними. Куда лучше, как у нас – и жители живы, и ордынцы убиты! А летописи... ну, что летописи? Пал Козельск? Пал. Погибли татары? Еще как! А жители? Если все погибли, то откуда известно, как именно? Лукавят летописцы...

У Батыев были основания проклясть этот город, мы выманили его тумены под Козельск точно к разливу рек, заставили сидеть посреди воды почти два месяца, вынудили его воинов чуть ли не кору жрать, а потом заманили в крепость и попросту сожгли! Ай да мы, ай да Козельск!

При прорыве погиб мой любимый – князь Роман Ингваревич, которого на Руси и так давно считали погибшим, ведь якобы его голову принесли Батыю на острие копья, не подозревая, что это голова его воеводы, поменявшегося с князем шоломом.

Это я вела конную дружину Козельска на прорыв из крепости, а потом пришлось еще отбиваться от преследования. Чтобы никто, особенно татары, не узнал о гибели князя, надела его плащ. А дружина решила, что лучшего воеводы взамен погибшего Романа им не надо, и назвала меня главой. Даже признание, что я девушка, не помогло «отбиться» от такой почетной, но уж очень тяжелой миссии. Конечно, рядом с Вятичем я могла ничего не бояться и всегда

рассчитывать на его помощь и совет. Но что за глава дружины, если то и дело оглядывается на своего наставника?

Об одном знали только мы с Вятичем – что я вообще не из этого века, Вятич «притащил» меня сюда (и не желал пока объяснять зачем!) из Москвы века двадцать первого. Из благополучной и очень успешной столичной девушки я вдруг превратилась в пятнадцатилетнюю дочь воеводы Козельска! Никакие требования немедленно вернуть меня обратно не помогли, а стоило освоиться, как грянуло татарское нашествие, к началу которого я уже решила ценой своего невозвращения попытаться предупредить о надвигающейся беде Рязань.

Жертва оказалась бесполезной, никто не внял, привычно отмахнувшись. Как известно, русский мужик руку ко лбу в отсутствие грома загодя не поднесет. Мало того, Рязань пришлось еще и оборонять, воюя с ордынцами на стене. Потом я была со стены сброшена внутрь и завалена горой трупов. Это меня спасло, во всей вырезанной, растерзанной, сожженной Рязани в живых осталась, кажется, только я. Никогда не забуду ее кроваво-черный снег...

Но там я сквозь щель в бревнах воочию увидела Батыя, которого до того однажды терзала во сне, летая, как ведьма, над его ордой и ним самим. А ведь он боялся, даже там, в уничтоженной Рязани, он меня боялся! Вцепиться хану в рожу наяву не удалось, мало того, пришлось прятаться в обнимку с трупами еще два дня.

А потом я попала в дружину Евпатия Коловрата. Туда меня привел (правда, по моему же требованию), разыскав в погибшем городе, все тот же козельский сотник Вятич. Так и не рассказав мне ничего, наставник помог освоиться в дружине, выдавая за своего племянника. Роскошную косу я обрезала, имя сменила на Николу и у Евпатия Коловрата воевала вполне прилично до самой его гибели.

Мы сумели задержать и даже развернуть огромное войско Батыя назад, но, почувствовав, что это конец, Евпатий настоял, чтобы молодежь ушла. Уводил молодую часть дружины мой жених (к счастью, он никогда не видел меня раньше, как и я его, о свадьбе договаривались между собой много лет назад наши отцы) – Андрей, с которым у моей двоюродной сестры Лушки была сердечная привязанность.

Ушли мы в Козельск, куда после Коломны привел остатки своей дружины и князь Роман Ингваревич – моя сердечная привязанность. А потом был рейд по тылам противника и выманивание Батыя к Козельску к определенному сроку.

Мы могли гордиться, немалая толика разворота татар от Игнач Креста и спасения Новгорода и северных земель принадлежала нам. Сложилось все вместе – распутица, Торжок, сопротивлявшийся две недели, и наши наскоки, которые убедили монголов, что у них в тылу большая сила.

Эта «сила» притащила тумены Субедея и Батыя к Козельску прямо перед началом разлива Жиздры и Другуски, они даже ничего не успели предпринять, осадные машины в ход не пустили. Козельск во время половодья оставался на острове, но вода заперла не только город, но и всю округу. В результате ордынцы сидели посреди воды и болот, жрали собственных лошадей, а те за неимением другого – кору с деревьев.

А потом был тот самый прорыв, когда нам удалось все – уплыть женщинам, уйти конной дружиной из крепости, заманить в саму крепость огромное количество татар и сжечь их там «греческим огнем»!

Никто не подозревал, да я и сама в тот миг забыла, что во главе конной дружины Козельска – девушка двадцать первого века. То, что я девушка, даже объединенную дружину не смутило, они приняли такое командование, а о том, что я не отсюда, говорить не стоило...

Хорошо, что Вятич сумел уйти из горящего города и догнать нас, без него мне никак...

И вот теперь перед коротко стриженным воеводой (волосы обрезала еще в Рязани, взяв после ее падения имя Никола и поклявшись убить Батыя) встал вопрос: куда вести новую дружину? Пока мы просто уходили от преследования татарами на юг. А дальше?

Как заставить Батыя пойти за нами, а не свернуть к Дебрянску или Чернигову? Он мог запросто отправить против нас пару тысяч, а сам уйти грабить остальные русские земли.

Батый должен знать, что идет за князем Романом, которого явно боится, считая ожившим Евпатием Коловратом, но как ему об этом сообщить?

И вдруг мой взгляд упал на ярко-голубой плащ князя.

- Что ты делаешь?

- Все нормально, я не свихнулась, не бойся, - я протянула Вятичу отрезанный кусочек голубого полотна. - Это надо переправить Батыю. А еще лучше с какой-нибудь записочкой вроде привета от Евпатия и Романа, пусть знает, что русские богатыри не умирают.

Вятич задумался:

- Пожалуй, ты права. Если просто позволить им взять нашего «языка», то могут не поверить, а если так... Может, стрелой? Только лучника наверняка убьют.

И все же такой лучник нашелся. Рязанец Дедюня помотал головой:

- Лучше меня никто не сделает. Конечно, вряд ли кого из них убью, так хоть напугаю, чтоб пообделались. Ты, Настасья, не страдай, я смерти не боюсь, у меня в Рязани всю семью выбили, растерзали, я, как ты, готов Батыгу зубами рвать.

Вообще-то, я никому не говорила про такую готовность, но, как сказал Вятич, она у меня на лице написана. Увидев меня, Батый точно обделался бы.

- Вятич, ты можешь меня отправить ночью в полет, как это делала Анея?

- Нет! - Ответ резкий, значит, что-то здесь не то.

- Почему?

- Я не хочу, чтобы ты превратилась в ведьму.

- Но один-то раз можно? Пусть не только Субедей будет кривым, но и Батый тоже.

- Настя, угомонись, оттуда можно не вернуться. Ты думаешь, это шутки?

- Ну, хоть попробовать ты можешь?

- И пробовать не буду! Давай потом поговорим, а сейчас надо подумать, как Дедюню к ставке Батыевой доставить.

- Слушай, а на каком языке они пишут? Может, ему чего приписать гадкое?

- На уйгурском, вернее, пишут-то на монгольском, а буквы уйгурские.

- Жаль...

- Думаю, у Батыя найдутся знающие русский язык...

На холме догорал огромный погребальный костер на месте города, упоминать даже имя которого запрещено. Чтобы остальные царевичи не видели позора кешиктянов, Батый приказал им двигаться на юг в степи отдельными рукавами, не останавливаясь нигде. Мало ли какой еще «Злой город» попадется по пути...

А вот что делать самому – не знал. Преследовать ушедшую от «Злого города» дружину или плюнуть на нее и тоже уйти в степь на свежую траву?

Хан смотрел на развалины «Злого города» и размышлял. Он вынужден был признать, что задумавший эту каверзу урус достоин уважения. Вообще, все, что делалось этим эмиром в голубом плаще, Бату-хан готов признать выдающимся, ведь урусы выманили тумены Субедея и самого Бату к проклятому городу очень вовремя – точно под разлив рек, а потом так ловко разыграли окончание осады. Этого хитрого и умелого уруса хан даже готов поставить вместо Субедея! Если бы тот согласился...

Джихангиру принесли странную стрелу, на нее был насажен клочок ярко-голубой ткани с какими-то знаками.

Батый смотрел на стрелу и понимал, что просто боится взять ее в руки. Сделал знак своему нукеру, тот взял, поднес ближе. Нет, ничего не случилось, значит, не отравлена.

- Откуда она?

- Урус подобрался близко, выстрелил в сторону ставки. Странная стрела, как послание. Мы поспешили принести.

- Где сам урус?

- Убит. Он стрелял в сторону ставки... - Кебтеул словно просил прощения, хотя воины сделали то, что должны сделать, - любой, поднявший оружие в сторону джихангира, должен быть немедленно убит, кто бы он ни был!

Батый потянулся за стрелой. Да, конечно, это послание. На изнанке ярко-голубого клочка ткани (мгновенно всплыл в памяти именно такой плащ их эмира Урмана, стало не по себе) какие-то урусутские буквы. По знаку джихангира кебтеул метнулся за советником, знавшим язык и письмо урусов.

Батый пригляделся к наконечнику стрелы, на нем выцарапаны две буквы с одной стороны и две с другой.

Советник появился почти мгновенно, никто не мог заставить ждать джихангира.

- Что здесь написано?

Подслеповато щуря глаза, старик прочитал:

- Привет от Евпатия Коловрата и князя Романа.

Зубы Батыея заскрипели. Эти урусы просто издевались над ним!

- А на наконечнике что за буквы?

– К. Р. Е. К. Это первые буквы имен – князь Роман и Евпатий Коловрат.

– Иди...

Джихангир сидел, задумавшись и стиснув зубы от злости. И так, это вызов, вызов ему после гибели стольких воинов в проклятом городе, после стольких безуспешных попыток убить проклятых Урмана и Евпата! Неужели они действительно бессмертны?

– Позвать шаманку!

Старуха приползла, страшно кряхтя. Она плохо перенесла зиму, хотя все время была в тепле и сытно накормлена. Сказывались и старость, и то, что вокруг чужая земля. Воевать с чужими богами очень тяжело, шаманка сумела оградить джихангира от ночных кошмаров, и на том спасибо. Двое других ее помощников погибли еще зимой, на одного напала рысь, когда отлучился в кусты по надобности, а другой увяз в болоте, вытащить не смогли.

– Где урусутский багатур Еупат и эмир Урман? Они могли воскреснуть?!

Шаманка усмехнулась:

– Я говорила Субедею, но он не послушал. Еупат погиб, когда вы побили их из камнеметов. Он не воскресал. Эмира Урмана под Коломной не убили, это не его голову принесли тебе на копье. Зато именно он убил хана Кюлькана.

Батый даже застонал...

– Но эмира Урмана ты можешь не бояться, он погиб у Козелле-секе.

– А это?

Старуха взяла в руки стрелу, понюхала кусочек ткани на ней, посмотрела наконечник и усмехнулась:

– Это женщина. Но она воин, и она бросила тебе вызов. Этой женщины ты должен опасаться, она хочет убить тебя. – Шаманка вскинула маленькие

подслеповатые глазки: – Это женщина из твоего сна, теперь она пришла наяву.

– Что?! – Хан даже вскочил. При одном упоминании о страшной колдунье-урусутке, расцарапавшей ему во сне лицо, становилось не по себе. – Ты можешь погубить ее?

– Нет, ее защищают духи этой земли. Одной против всех не справиться. Она не из этого мира, но она смертна, и ты должен победить ее, иначе...

– Что иначе?

– Если ты победишь, то у твоих ног будет весь мир.

– А если нет?

Шаманка чуть заметно усмехнулась:

– Тогда ты будешь у ее ног.

Батый сел, снова задумался. Гоняться за урусуткой сейчас просто невозможно, кони истощены, люди измучены. Зима была слишком тяжелой. Как ему сейчас был нужен совет Субедея, но...

Шаманка, видно, поняла его раздумья, снова усмехнулась:

– Уходи в степь, воинам и лошадям нужно отдохнуть. Она никуда не денется, если ты не станешь гоняться за ней, эта женщина придет сама. Плащ эмира Урмана у нее. Уйди из урусутских земель, и она оставит тебя в покое хотя бы на время. Наберись новых сил, тогда убьешь ее и двинешься дальше к последнему морю.

– Ты говорила об этом Субедею?

– Не все, но многое. Он не послушал.

– Ты знаешь, где она?

– Не очень далеко, но тебе пока не стоит за ней гоняться, – повторила старуха. – Не позволяй сейчас ей увлечь тебя за собой. Копи силы. Все чуть позже. Она смертна. Все они смертны.

– Иди...

На следующий день войско снялось с места и, оставив позади развалины «Злого города», ушло в степь, обходя стороной остальные города по пути.

Эта торопливость спасла Кром, Домагощ, Мценск, Дедославль, Курск, а главное, спасла Брянское княжество и на некоторое время остальные Черниговские и Киевские земли. Там явно расслабились, чисто по-русски решив: пронесло! Вместо того чтобы крепить свою оборону, вооружаться и собирать новые и новые дружины и ополчение, на оставшихся пока нетронутыми русских землях порадовались и... продолжали почти беспечно жить.

Русского человека не переделать, гром не гремел, потому и креститься никто не собирался. Бардак продолжался. Никто не собирался извлекать никаких уроков из трагедии зимы 1237–1238 годов. Князь Ярослав Всеволодович, узнав, что Владимир Суздальский стоит бесхозным, шустренько метнулся туда и стал великим князем, по закону, конечно, но как-то... Галицкий князь Даниил Романович взял власть в бесхозном Киеве, но особо крепить его не стал, покрутился, оставил город на своего воеводу Димитра и отбыл восвояси, понятно, свой Холм ближе к телу...

Князья делили Русь, оставшийся в живых народ выбирался из лесов, хоронил убитых, восстанавливал деревни и привычно клял степняков, забыв о том, что для начала – не мешало бы своих собственных князей. Те, кого страшный вал не коснулся, даже радовались, ведь ничто не радует так, как неприятность соседа.

И не было против монгольского вала никакого спасения. Оставалось одно – просто убить Батю в надежде, что с его гибелью все сойдет на нет само по себе. А для начала выманить его обратно в степи.

В первый вечер Вятич сделал странную вещь, он подхватил кусок снятой с зайца шкурки и бросил его в огонь. По всей округе разнесся противный запах паленой шерсти. Даже лошади, и те прынули ушами, уж очень воняло.

– Зачем? – Я поморщилась. – Вонять же до утра будет.

Сотник кивнул:

– Это и нужно. Не сидеть же, ожидая появления волков? А так они запах паленой шкуры издали учуют и не подойдут.

– А почему мы этого у Евпатия не делали?

– Потому что к утру и мы с тобой будем пахнуть, а татары не дураки, эту вонь, как волки, услышали бы и нас обнаружили. Мы даже в костры что рубили? То, что горит без дыма.

– А-а...

– Учись, студент.

Поинтересоваться, откуда он знает такие слова, Вятич снова не дал, начал разговор о чем-то другом, отвлекая.

Началась наша походная жизнь. В следующие месяцы мы почти все время провели в лесу, просто большинство деревень, мимо которых мы позже проходили, были либо разорены, либо едва влачили существование, потому рассчитывать приходилось на самих себя. Но мне не привыкать, если уж выжила зимой у Евпатия Коловрата и потом с Романом, мотаясь по татарским тылам, то летом и вовсе не трудно...

Мы опасались нападения, а потому каждую ночь выставляли сильные дозоры, высылали вперед разведчиков, но Батыю, похоже, было не до нас. Монголы делали то, что и требовалось, – спешно уходили в степь. Вятич радовался, я злилась.

– Чего?

– Я должна его убить, а если Батый будет в степи, попробуй его найти!

– Настя, сейчас ты убить его просто не сможешь, даже если он окажется в соседней деревне. У монголов слишком много сил по сравнению с нами. Кроме того, ты уверена, что его надо убивать?

Я обомлела:

– А что с ним сделать? Наградить медалью за взятие Козельска? Или присвоить звание почетного гражданина города, который он разрушил? Давай, выдвини такое предложение, я посмотрю, что тебе дружина скажет.

– Ты знаешь поговорку про одного битого и двух небитых?

– Батый не битый!

– А какой?

– Вот когда я ему набью морду или надеру уши, тогда...

Что – тогда не договорила, потому что не могла придумать. Какая морда, какие уши?! Если я окажусь к этому гаду так близко, чтобы появилась возможность вцепиться в его уши, то лучше уж в горло! И никто меня, как бульдога от жертвы, от его горла оторвать не сможет. Буду грызть, пока не загрызу, а потом пусть тошнит хоть полгода!

Вятич с интересом разглядывал мою физиономию, видно, на ней вся непроизнесенная вслух тирада была написана в красках.

– Ну что, представила себе, как будешь ему горло перегрызать?

– И перегрызу! Вятич, ты не видел Рязань!

– Видел! – Голос резкий и глуховатый, так бывает, когда он волнуется. – Но только знаю одно: мы должны не гоняться за Батыем, чтобы ему перегрызть глотку, а заставить его уйти с Руси и больше не пытаться сюда приходить.

– Одно другому не мешает! – огрызнулась я.

Сотник рассмеялся:

- Если так, то я согласен. А то ведь подумал, что ты просто маньячка.

- А хотя бы и так, тогда что?

- Тогда дело худо, потому что от маньячки толку мало, тем более во главе рати.

- Дружины, - машинально поправила я.

- Нет, рати. Дружина у князя, отобранная и обученная, а у нас с бору по сосенке, потому рать. Это не хуже, просто чуть иначе.

Пришлось согласиться. Какая разница? Мы все равно покажем Батыю кузькину мать, а я обязательно перегрызу ему горло!

Вятич только вздохнул.

Дозоры и разведка доносили, что монголы быстрым шагом удаляются во владения половцев. Я прекрасно понимала, что им просто нужны свежая трава и степной простор, что они отправились откармливать лошадей и отдыхать, но как же после каждого донесения хотелось заорать: «Йес!»

Я постаралась доходчиво объяснить своей рати (пусть зовется так), что ордынцы - это не татары, в войске Батыя основа монголы, а остальные - самый разный сброд, подобранный по пути, среди них очень много тех же половцев, поэтому они легко находят наши города и деревни.

Законы природы

Убедившись, что монголы ушли в степь, мы на время свернули с большой дороги, нужно было немного прийти в себя, подвести кое-какие итоги и решить, что и как делать дальше.

То есть что делать, и без размышлений ясно – наша задача не пустить монголов обратно на Русь и по возможности бить их повсюду. Оставалось придумать, как это сделать и где, что тоже немаловажно. Собственно, и здесь у нас выбора тоже не было, мы прекрасно понимали, что выйти за Батыем в степь просто не можем, будем окружены и перебиты через пару дней, оставалось держаться от них на расстоянии, пробираясь по краю леса.

Лес вокруг стоял замечательный, и ему совершенно наплевать на наши проблемы... А утро было изумительное, такое, от которого хочется не просто жить, а кричать от восторга! Солнце, едва выглянув из-за кромки леса, брызнуло во все стороны, осветив, кажется, не только каждую травинку, каждый листик, но и то, что пряталось под листиком, заиграло на воде, покрывшейся легкой рябью из-за ветерка. Но и ветерок тоже был ласковым и теплым, словно природа стремилась заставить людей забыть о пережитом зимой ужасе.

Забыть не удавалось, но и не замечать великолепия всего живущего вокруг тоже грех, причем великий. Я оказалась на берегу лесного озерца на рассвете в одиночестве не случайно. Очень хотелось нормально искупаться, поплавать, ощущая радость от движения в воде. Это мне не удавалось, потому как девка, ходить купаться вместе со всеми нельзя, а ждать, пока я буду резвиться в воде, дружина не могла. Приходилось, удалившись от остальных, быстренько-быстренько окунаться и спешить обратно.

А тут мы, убедившись, что монголы далеко, решили встать на несколько дней. Погода способствовала, озер и речек вокруг немало, я сразу дала понять, что вот это мое, чтобы сюда не совались, и вот теперь пришла, чтобы отвести душу. Сопровождала меня только верная Слава, если захочет, то потом может тоже искупаться. Но Слава не хотела, она спокойно щипала травку на берегу, кося взглядом в мою сторону.

– Э, не подглядывай! – погрозила я ей. Лошадь фыркнула и отвернулась, всем своим видом демонстрируя, что моя обнаженка лично ей до лампочки.

Вода была теплой, как парное молоко, хотя и на воздухе тоже не прохладно. Один минус – дно не песчаное, а травянистое: и входить, и выбираться неприятно. Поэтому я постаралась поскорее проскочить мелкоту и забраться поглубже. Хорошо... Глянула на всходящее солнышко, чтобы потом понять, как долго я бултыхаюсь, не то станут искать.

Плавала действительно довольно долго, но когда собралась выходить, вдруг увидела на берегу Кирея. Этот парень давно, как говорилось в водевилях, «делал мне пассы», то есть попросту завлекал. Получил отпор, но принял его за простое кокетство и следил неотступно. Вот черт! Только его не хватало. Я крикнула из воды:

- Ну, чего встал? Иди отсюда!

Но парень не двинулся с места. Он что, полный дурак?!

- Кирей, иди отсюда, мне выйти надо и одеться.

На что он надеется, что я, выбравшись из воды, сигану ему на шею и примусь ублажать взыгравшую плоть? Видя, что от моих увещеваний толку мало, я вдруг крикнула Славе:

- Слава, ну-ка, позови Вятича.

Кобыла мотнула головой и направилась в лес, точно выполняя мою просьбу. Я обомлела сама, неужели она поняла? Забеспокоился и Кирей:

- Ладно, выходи, я уйду.

- Сначала ты уйди, потом я выйду. Слава, проследи, чтобы он ушел.

Умница Слава зорко наблюдала за тем, как исчезает за деревьями парень. Я быстро выбралась из воды, поспешно оделась и подошла к кобыле:

- Ты у меня умница. Как ты думаешь, мне говорить Вятичу о том, что произошло?

Слава кивнула головой. Но мне совсем не хотелось признаваться в том, что пришлось сидеть в воде, ожидая ухода парня.

- Может, простим?

Слава замотала головой, то ли отгоняя привязавшуюся муху, то ли отвечая на мой вопрос.

Я ничего не стала говорить Вятичу, все еще размышляя, но он как-то узнал сам.

- Настя, к тебе Кирей приставал?

Вот какое наказание иметь друга-ведуна, все-то он про тебя знает, ничего не скроешь. А если бы я вдруг решила заняться с глупым Киреем сексом?

- Не приставал, просто пытался подглядеть, когда купалась. А ты откуда узнал?

- Сорока на хвосте принесла.

- Ладно, я больше не буду ходить купаться...

- Глупости.

Вятич разобрался с Киреем по-своему. Когда парень оказался рядом, он вдруг словно прислушался к моей кобыле. Слава подыграла, она потянулась мордой к уху Вятича, перебирая губами, будто нашептывая что-то. Сам сотник при этом подозрительно поглядывал то на Кирея, то на меня.

- Да что ты говоришь? Этот? За Настей? Ну-ну...

- Чего это она? - забеспокоился парень.

- Она говорит, что ты ходил на озеро подглядывать за Настей, когда та купалась.

В дружине с первого дня установился негласный закон: я для всех сестра и воевода, смотреть на меня как-то иначе не полагалось. А уж подглядывать вообще было серьезнейшим нарушением. Привлеченные словами Вятича, вокруг начали собираться дружинники. Кирей покрылся краской, но пытался «держать марку», однако с каждым словом сотника это получалось все хуже.

– И чего говоришь, пришлось его прогонять?

Слава закивала головой. Вот тут я, кажется, поверила, что Слава умеет говорить (или Вятич знает лошадиный язык кроме волчьего?). Остальные тоже поверили и Вятичу, и в то, что с ним разговаривают животные.

Кирей не вынес всеобщего молчания и вопросительных взглядов:

– Не больно-то и нужно! Сам уйду!

Его никто не прогонял, даже слова не сказали, но парень вдруг завелся:

– Чего это под девкой ходить, точно опытных дружинников нет!

Я тоже вспыхнула:

– А я тебя и не держу! Кто еще считает зазорным под началом девки воевать?!

Дружина притихла, а Вятич внимательно и изучающе смотрел на меня. К вставшему в стороне Кирею присоединились еще трое, потом, подумав, подошел воин постарше.

– Я не просила, сами выбрали! Но те, кто останется, должны забыть, что их в бой поведет девка! И не только в бой, забыть о том, что я не такая, как вы.

– Э, нет... – Вятич шагнул вперед. – Помнить, что ты не такая, нужно обязательно, только не как Кирей. Ты сестра наша, а сестру беречь и от других, и от себя надо. Кто останется, должен про это помнить.

Из дружины ушли полтора десятка человек, это была потеря. Только трое, как Кирей, из-за несогласия с моим руководством, остальные просто решили вернуться пока по домам, а там как бог даст. Я их понимала: что впереди – неизвестно, заплатить за службу я не смогу, сама голая, как ощипанная курица, что с меня взять? А впереди зима...

Зато в тех, кто остался, можно быть уверенным на все сто. Однако уход парней заставил меня задуматься о том, как жить дальше, ведь пока у нас еще были

запасы, а потом? Ни денег, ни запасов. Дружину на что-то надо содержать, не грабить же и без того ограбленные деревни и города? Вот так, воевода, думай, а не только мечом размахивай.

Еще меня обидело едкое замечание одного из уходивших парней, что я даже лук натянуть не могу, какой из меня воевода? Это была правда, мечом и саблей рубилась я прилично, повести в атаку могла, а вот силы в руках, чтобы натянуть тугую тетиву боевого лука, не имела. Позор да и только!

Вятич, выслушав мои соображения по поводу и без, кивнул головой:

– Правильно мыслишь. Деньги раздобудем, а вот с луком тебе придется самой. Тренируй руки, другого не дано.

С этого дня лук стал моим постоянным спутником, я часами тренировала руки и глаза. Постепенно и тетива стала натягиваться, и стрелы лететь не в траву за деревом, а в его кору.

Но долго отдыхать в лесу мы не могли, зная, что монголы движутся по степи, уходя к Дону, мы тоже отправились на юго-восток, только лесом. У дружинников теплилась надежда, что Батый решил уйти совсем, ведь монголы отходили туда, откуда пришли. И только мы с Вятичем знали, что это всего лишь отдых, что предстоит второй его поход, который приведет Батыя аж в Венгрию и на Адриатику. Но как объяснишь это остальным?

Пока дружина вопросов не задавала, а злости у всех было через край – мы шли разоренными зимой местами.

Только теперь я поняла, что ничего о самом нашествии не знала и разорения по-настоящему не видела. Честное слово, если увидела бы вот такое раньше, не сумела бы усидеть за стенами Козельска, добралась бы до Батыя вплавь, как Петеря, и загрызла его просто зубами. И никакие стрелы меня бы не взяли, и от его шеи не оторвали, хотя он тоже наверняка вонючий.

После уничтоженной Рязани у меня была хорошая возможность поквитаться в дружине у Евпатия Коловрата, потом все как-то улеглось. А теперь вот снова

захлестнула ненависть.

Вятич постоянно осаждал: голова должна быть холодной. Просто выйти биться, чтобы погибнуть, бессмысленно. Наша заслуга в Козельске, что мы не погубили жителей вопреки всем летописям, а сумели их спасти и при этом убить столько ордынцев, что Батый действительно должен назвать Козельск «Злым городом».

– Понимаешь, выйди мы против них в чисто поле все, все бы и полегли. Или останься в осажденном городе, результат был бы тот же. А так и мы целы, и ордынцы убиты.

Умом я понимала, но кулаки сами сжимались в бешенстве. Конечно, хорошо, что в Козельске так мало погибших, хорошо, что летописи ошибаются и даже маленький князь Васька остался жив. (Интересно, куда он потом делся со своей мамашей-княгиней?)

Уже прошло полгода после нападения монголов, но многие сожженные деревни и небольшие города так и не встали. То и дело нам попадались пепелища, усеянные белыми костями. Сами трупы расклевали вороны, чем только можно поживилась разная живность, но люди не вернулись в деревню, и кости оставались незахороненными, а почерневшие от пожара печные трубы так и торчали среди начавшей подниматься травы.

Вообще мы поразились, насколько быстро все затягивало травой и даже кустарником, словно растительность чувствовала заброшенность места. Кто-то даже вздохнул:

– Ты глянь, одну весну не ходили, а уже все заросло. Если нас не станет, через десяток лет и места не найдешь...

В каждой такой деревне мы останавливались, собирали кости, складывали их в общую могилу и ставили над ней крест, даже не зная названия самой деревни.

В других селениях оказывалось всего несколько жителей, которые подумывали о том, чтобы уйти в более оживленные места на севере, куда либо не дотянулась орда, либо не слишком разорила. Хотелось сказать, что «не слишком» нет нигде, а неразоренными остались только земли по ту сторону Волги и у Новгорода. Ну, еще, конечно, Смоленск и южные княжества. Но их очередь еще придет, если не

сумеем удержать Батю, то и Чернигов, и Киев, и Галич погибнут в пожарах. А как его удержишь, если у него сотня тысяч хорошо вооруженных и обученных воинов, а у нас и полутысячи не наберется? Оставалось только убить самого Батю, что я намеревалась сделать, как только его удастся выманить из степей к себе поближе.

Однажды в деревне нам пожаловались на волков, одолевших местных жителей, мол, никакой управы нет на этих серых хищников. Вятч стал расспрашивать и выяснил, что деревенские практически извели соседний лес, то и дело пуская пал для расчистки новых полей.

- А чего же не используете старые?

- Дык... - Староста почесал пятерней затылок. - Они же заросли и урожай дают малый...

- Навозу побольше.

- Навозу... Проще с пала золы набрать, хорошо родит после пала-то.

- Живность же вывели вместе с лесом.

- Ну, вывели, так у нас охотников раз-два и обчелся, мы больше овец пасем.

- Вот волки на них и охотятся.

- И чего теперь?

- А ничего. Вы косуль да оленей вывели, на кого волкам охотиться? Остаются ваши овцы.

- Не-е... Оленей вывели и волков выведем.

В ответ сотник только пожал плечами, словно перед ним стояло неразумное дитя, а не мужик косая сажень в плечах и с пудовыми кулачищами.

Каждый остался при своем мнении.

Вечером, когда уже устроились спать, я завела разговор о волках, мол, что действительно делать деревенским, не отказываться же от полей или овец? А серые хищники разбойничают всюду...

- Настя, а что ты знаешь о волках? Ну, кроме того, что они серые хищники?

- А разве нет?

- Хищник и хищение одного корня. Волк не похищал бы овец у человека, если бы тот не вторгся в его владения.

- Но он же убивает не только овец!

- Конечно. Знаешь, есть такая легенда... На земле было много оленей и совсем не было волков. Они спокойно паслись, жирели и множились. Их стало так много, что травы уже не хватало, как и просто места для пастбищ. Олени стали вымирать, и когда их падеж превратился в бедствие, потому что трупами погибших животных уже заполнилась земля, люди обратились к богам с просьбой что-то сделать. И боги создали волков... Наивно, но по сути верно. Волки истребили прежде всего больных и слабых, и олени снова стали крепкими и сильными. Объяснять надо?

- Нет, я помню: волк - санитар леса. Я понимаю, что это сильный и хитрый зверь, но я его боюсь.

- Только потому, что не знаешь его правил поведения. Волк не хитрый, он умный и честный. Это человек человеку волк, а волк к волку милосерден. Ты знаешь, что волк никогда не добьет поверженного сородича-противника? А еще, что они однолюбы? Волк выбирает подругу единожды и не станет путаться с другими. И волчица в случае гибели своего супруга остается вдовой до конца своей жизни. Этого нет, например, у царя зверей, не говоря уже о человеке. Может, потому «царь природы» выбрал в «цари зверей» не волка, а себе подобного в зверином царстве.

- Но лев сильнее волка!

- Ну и что? А слон сильнее льва, и носорог с бегемотом тоже...

Такие беседы бывали частыми, Вятич осторожно знакомил меня с тем миром, в котором жил сам.

Однажды я вдруг поинтересовалась:

- Вятич - это прозвище? А как тебя зовут?

- Ты имеешь в виду крестильное имя? Крестили меня когда-то Андреем. Но я раскрещен, иначе нельзя. А Вятич - родовое имя.

- Ты волхв?

- Нет! Волхв - это посредник. Посредник между людьми и Высшими силами Природы, признанный этими силами. Мне нет необходимости быть посредником, меня никто не просит об этом.

- А Ворон был волхвом?

- Ворон - да, у него были те, кто нуждался в его посредничестве.

- Например, Анея?

- И Анея тоже, хотя она сама волховица.

- Куда они все делись? Погибли?

- Думаю, нет, скорее, ушли, когда Анея отправляла всех из Козельска и округи подальше от Батыевых войск.

Монголы рассредоточились по половецким степям, против чего мы не возражали, но часть из них упорно держалась в опасной близости от границы русских княжеств, вернее, попросту в их границах. Жители деревень привычно снялись с места и убрались подальше на север, тем более там было много

пустующих теперь селений. Но это не спасало положения. Требовалось отогнать проклятых подальше.

Как это сделать? Нападать почти в степи очень трудно, любые массивные передвижения видно издали, нападать серьезно сложно, а мелкими наскоками этих не испугаешь...

Вятч с дружинниками занимались немного странным делом, одни нарезали толстые трубки из тростника, а другие... ловили слепней. Такими трубками пользовались для плавания под водой. Куда это собрался сотник со своими людьми? Вроде татары в воду не суются... А насекомые зачем?

Кое-что стало ясно, когда, нарезав по несколько трубок, серьезные люди вдруг принялись плевать через них, стараясь попасть в нарисованную на дереве мишень из разных положений, в основном лежа, и отходя как можно дальше.

Я едва не расхохоталась, увидев такую картину. Не удалось зимой шапками закидать, так надеются летом заплевать? Вятч, наблюдая, как я веселюсь, почти разочарованно протянул:

- Э-эх... дурища и есть дурища...

Смеяться я перестала быстро, когда увидела, что в ход пошли те самые чертовы слепни, которых помощники сотника собирали с несчастных лошадей, заметно облегчая кобылам жизнь. И все равно я не понимала.

- Вятч, ну правда, что за шутки? Вряд ли монголы так боятся слепней, чтобы бежать опрометью, если укусит...

Тот согласно кивнул:

- Не боятся, это нам и нужно. Укус слепня не вызовет никакого беспокойства, сбросят, и все. А если в нем яд?

- Ты собираешься кормить слепней цианистым калием? Ну, ядом?

Сотник не удивился новому термину, но головой покачал:

- Кормить необязательно, достаточно проткнуть его отравленной иглой перед самым плевком, и слепень понесет яд тому, на кого попадет.

- А... яд?

- Яд есть, и не один – разные, для каждого случая свой.

- Для какого, например?

- Для дозорных свой, там нужна тихая смерть, для тех, кто охраняет костры тоже, а вот для лошадей есть разные виды – парализующий и приводящий в бешенство.

- А если слепень куснет не того, вот возьмет и не станет кусать монгола, наоборот, полетит в нашу сторону?

- Интересно, как долго сможет прожить слепень, проткнутый чем-то?

- Недолго...

- Вполне хватит, только чтобы цапнуть первого, кто попадется. А если и не цапнет, то опасений не вызовет.

- Так вас и пустили к ставке!

Вятич расхохотался:

- А я туда и не собираюсь! Я в отличие от тебя не помешан на убийстве Батыя и использовать трубки собираюсь на дозорных и тех, кто с краю. Пока хватит.

Вятич с парнями занимались какой-то гадостью, они ободрали шкуру убитой монгольской лошади и, не выделявая, примеряли на себя. Фу... Немного пораскинув мозгами, я сообразила, что это перебьет их собственный запах

лучше любого дезодоранта. Да уж, у степняков лошади хитрые, заразы! Они не только кусаются и лягаются, но и научены чують чужих и поднимать тревогу, никаких собак не нужно.

Из нашего стана в сторону монгольского отправилась странная процессия – несколько человек несли на себе лошадиные шкуры. Смотрелось дико, но за последнее время я привыкла ко всему и уже ничему не удивлялась.

На землю опустилась летняя ночь. Тихая, звездная, благостная, с треском цикад, легким ветерком, запахом трав... Для монголов она была просто райской, пахло уже степью, а не лесом или болотами, ветви деревьев не загораживали небо, глаз не натыкался на стену деревьев. Нет, они, конечно, были, и кустарника много, особенно у воды, но не сплошь же вокруг. Словом, почти как дома...

Пофыркивали и прядали ушами лошади, отгоняя приставучих насекомых, но даже оводы и слепни не настолько доставали, чтобы беспокоиться.

Стан спал, только сидели у костров дозорные, следя, чтобы те не погасли, и вслушиваясь в ночную тишину. Где-то в лесу ухнул филин, пролетела, заинтересовавшись светом, сова, скользнула почти бесшумно, и нет ее. Шуршали мыши, возился кто-то в кустах, то ли удирая, чтобы не стать добычей хищника, то ли, наоборот, завершая охоту.

Наступил час между совой и вороной, когда ночная хищница уже устраивается на суку до следующего вечера, а дневная еще не подала голос. Ночь наиболее темна перед рассветом, но в это же время немного смелеют все, кто сидел, забившись глубоко в норки. Потому тихий шорох не особенно пугал дозорных.

У двух крайних костров, подле которых пасся большой табун, четыре сидящих на корточках охранника, отбивавших свое время, даже не пошевелились, все так же неподвижно взирая на пламя... Если бы кто-то понаблюдал за ними со стороны, то удивился бы такой выдержке – сидеть в одной позе так долго! Но наблюдать некому, те, кто был виновен в неподвижности охраны, уже давно уползли, а остальные спали.

Некому обратить внимание и на то, что незадолго до этого каждый из четырех охранников хлопнул себя по шее, то ли отгоняя, то ли убивая надоедливых

насекомых. Да и сами бедолаги тоже на это не отреагировали...

Один из спавших монголов поднялся то ли попить, то ли, наоборот, отлить и вдруг в ужас замер, потому что сидевший на корточках охранник явно заснул и вдруг... свалился прямо в костер! Подскочив к бедолаге, товарищ попробовал помочь ему выбраться из пламени, прекрасно понимая, что грозит всему десятку за такой проступок. Каков же был его ужас, когда монгол понял, что дозорный мертв!

С опаской оглянувшись вокруг – не видят ли, что произошло, – воин потерял сон окончательно. От его вопля дрема слетела и с остальных тоже. Мгновенно весь стан поднялся на ноги. Оказалось, что четыре охранника у ближайших к кустам костров (по два на каждый) мертвы, причем никаких ран от стрел, колотых или режущих ни у кого не было, просто умерли – и все!

Но еще страшнее стало, когда обнаружилось, что мертвы и с десятков лошадей, тоже не раненых и незаколотых!

Паника, охватившая стан, продолжалась до середины дня, пока не приняли решение срочно уйти от проклятого места, потому что там, видно, какая-то зараза.

Зараза преследовала монголов несколько дней. Находившиеся ближе к лесным зарослям умирали вдруг, не будучи ранеными. Страшно, что во множестве гибли лошади. Они либо оказывались неспособными двигаться дальше, либо бесились. Темник запретил использовать конину погибших в пищу, чтобы не заболеть и самим, и сдирать кожу тоже. Это страшная потеря, ведь конь для монгола главный кормилец и поставщик всего жизненно важного. Больше добыть можно только саблей и луком со стрелами, но даже с самой острой саблей монгол без коня не монгол.

Только откочевав подальше от полосы перелесков, совсем в степь, монголы немного успокоились, зараза, кажется, отстала. Зато там было недостаточно воды, трава быстро высохла, посерела и легко загоралась от любой искры. Иногда казалось, что и без нее... Их снова преследовали волки, по ночам лошадей будоражил волчий вой.

Монголы маялись, а Вятич с товарищами отсыпались днем после очередной ночной «охоты». Они побили очень много лошадей, ведь укус слепня или овода для лошади вполне привычное дело и подозрений не вызывал, а отчего уже потом она вдруг слабела и падала или, наоборот, вдруг бесилась – не понимал никто...

Дважды отраву удалось закинуть... в котлы над кострами, тогда основательно потравилось немало монгольских воинов, не до смерти, конечно, но животами маялись классно...

Партизанская война продолжалась, но этого было мало. Монголы жировали на степных просторах, явно намереваясь осенью снова двинуться в поход. Куда? А что, если на Чернигов? Я вспомнила, что туда они пойдут осенью следующего года, а до этого так и будут в половецких степях. Но сидеть и просто ждать, даже тренируясь целыми днями, невыносимо. Как же напомнить им о неминуемом возмездии? И, главное, как его свершить? Просто выйти в степь и обнаружить себя? Во-первых, поймут, сколько нас, во-вторых, и до леса добраться не успеем, перебьют стрелами издали. Это в лесах мы были хозяевами положения, в степи – они, и с этим приходилось считаться. Сколько ни ломали голову над тем, как снова заманить хотя бы часть монголов в лес, ничего на ум не приходило.

Но монголы монголами, а жизнь продолжалась. И в этой жизни нужно было есть, пить, спать, мыться, наконец... Для моих ратников в этом проблемы не было, все же тепло, пока купаться можно в реках и озерах.

Вечер был исключительный, парни в протоке наловили рыбы и пристроили часть вариться, а часть запекаться в углях. Вятич, видно, решил искупаться, верно, в такой воде грех не поплавать вдоволь. Сети уже вытащили, рыбу не распугаешь...

Я сидела на берегу и запасалась на всю оставшуюся жизнь воздухом, он был такой классный! Напоенный одновременно травами, лесом и озером... Кажется, даже густой, хоть ножом режь и в котомку про запас складывай.

Прикидываясь, что ничего не вижу, я тихонько косила глазом на сотника. Мощный торс, сильные руки... качкам до него далеко. И красивый... Вот какой у

меня наставник.

Вятича не обманешь, бросив рубаху рядом со мной на куст, он усмехнулся:

- Не подглядывать!

- Очень нужно!

Я вообще прикрыла глаза и только слушала, как он разбежался и сиганул подальше в озеро. Озерцо хорошее, оно проточное, вода чистая, дно песчаное. Я с завистью слушала, как плещется сотник, самой нельзя, даже если влезть в воду в штанах и рубахе, то мокрая ткань облепит так, что никакой обнаженки не нужно. А другого озера здесь нет.

И вдруг совсем рядом раздался крик Тереши:

- Водяной!

- Где?! - вскинулась я.

- Сотника крутит! - парень с мечом в руках ринулся в воду к купавшемуся Вятичу.

И тут я поняла - Вятич крутится в воде и орет, потому что его схватил Водяной!

С воплем «Держись!» мы вдвоем махали саженками к сотнику. Я опередила, все же у парня в руках меч и он греб одной рукой.

Вятич изумленно застыл с открытым ртом:

- Вы чего?

Мы тоже обалдели, Тереша растерянно протянул:

- Я думал, тебя Водяной крутит... Орешь и плещешься... Тьфу ты!

Обиженный Тереша повернул к берегу. И только тут я сообразила, что орал Вятич от восторга, а я в воде, и выходить придется на виду у всех совершенно мокрой.

- А ты чего подумала, тоже про Водяного?

- Конечно.

Я отчаянно пыталась придумать, как выбираться из воды в мокром виде.

- И как ты с ним справляться собиралась, кулаками?

- Ничего смешного, вопишь тут...

Я поплыла к берегу, не сидеть же с Вятичем в воде. Он опередил, зычный крик заставил оглянуться всех ратников на берегу:

- А ну отвернулись!

Парни, подчинившись команде, дружно сделали вид, что у них дела где угодно, только не там, где я буду выходить из воды. Я не сомневалась, что будут подглядывать, но не тарашиться откровенно, и то хорошо.

На берегу Вятич закутал меня попоной и потащил подальше, подхватив с куста свою сухую рубаху. Там, загороженная попоной, я выбралась из своей мокрой одежды и натянула предложенную сотником. Ноги, конечно, оставались голыми, но хоть ягодицы прикрыты.

Вятич критически оглядел меня в таком наряде и вдруг протянул попону:

- Оберни вокруг.

Он был прав, рубаха до колен не доходила и сесть или наклониться в такой будет просто неприлично.

– Воительница... На Водяного с кулаками. Но за то, что пыталась спасти, – спасибо.

– Не за что, – буркнула я, пробираясь обратно на берег.

Парни уже наварили ухи и звали к костру ужинать.

Рукава рубахи Вятича, конечно, были слишком длинными для меня и широкими, их пришлось закатать. Я то и дело ловила осторожные взгляды своих парней, которые те бросали на мои голые до локтей руки. Да, трудно им без девок... А мне без мужчины? Тоже трудно, за все время пребывания тут я всего дважды спала с князем Романом.

Я постаралась отогнать мысль о Романе, не к месту и не вовремя.

Уха была, конечно, вкусной и очень сытной, но как же в ней не хватало картошки! Что за уха без картошечки? Все равно что... я так и не придумала, с чем сравнить. Картошка есть картошка, ее никакие крупы и травы не заменят.

Пока ужинали, ночь совсем вступила в свои права. Плеснула почему-то не ушедшая на покой рыба, противно зудели комары, чуть всхрапывали лошади. Пламя костра отражалось в их совершенно черных в ночи глазах, таинственно поблескивая. Я смотрела на морду своей Славы, лошадь казалась загадочным животным.

Легкий ветерок словно взъерошил лунную дорожку на озере и вдруг откуда-то совсем издалека принес женский смех и всплески воды. Кто-то из парней тихо произнес:

– Русалки озоруют...

Неужели и правда русалки?! Я прислушалась, голоса явно девичьи или женские, конечно, кто нормальный пойдет купаться ночью? Вот бы посмотреть? Но даже спрашивать у Вятича боялась. А вот парни спросили:

– Вятич, а верно говорят, что заговор есть, чтобы у них хвосты ненадолго в ноги превращались?

Сотник усмехнулся:

- Есть...

- И красивые ножки?

- Красивые.

Я почему-то чуть не заорала: «А ты откуда знаешь, видел?!» - парней интересовало другое:

- А ты тот заговор знаешь?

- Может, и знаю...

Я не вынесла, тихо зашипев:

- Превращал?

- Угу.

- Ну и как?

- Что как? Фигурка красивая, ножки стройные, попка круглая, грудь тоже...

Во мне росло возмущение, я чуть не закипела, а сотник насмешливо добавил уже громче, потому что ратники вокруг притихли, внимая его словам:

- Только вот одно плохо...

- Что?! - ахнул, кажется, тот же Тереша.

- Рыба, она и есть рыба. Тиной пахнет и холодная.

Кто-то передернул плечами, кто-то сплюнул, кто-то сердито заворчал. Они уже, видно, размечтались, как устроят ночной налет на девичье русалочье царство, как Вятич превратит русалок в красавиц не только сверху, но и снизу... А тут такой облом!

- Ты обнимался, что ли, с ними, что знаешь?

Помимо моей воли, вопреки ей, как я ни старалась сдержаться, в моем голосе все-таки прозвучали ревнивые нотки.

Вятич вдруг притянул меня к себе, крепко обнимая за спину, и зашептал на ухо:

- Я что, дурак с рыбиной обниматься? И пробовать не стал бы.

- А чего же...

- А что я должен сказать, что это здорово, чтобы они туда толпой рванули и неприятностей себе нажили? Настя, нам надо где-то в деревнях останавливаться хоть изредка, особенно таких, где мужиков мало осталось. Все спасибо скажут, и деревенские тоже.

Он уже отстранился, а рука все оставалась на спине, словно забыв вернуться. Я против не была.

Утром к нам вдруг подошел старый сотник Девят и тихо сказал:

- Вятич, ты того... Настю береги. Чтоб только ты и никто другой. Понял?

- Понял, - каким-то глухим голосом ответил ему Вятич.

- Добро, - кивнул Девят и удалился.

Я осталась с открытым ртом.

- Чего это он?

- Ты же слышала, сказал, чтобы я к тебе никого не подпускал.

- А самому, значит, подходить можно? - ехидство всегда было одним из моих способов защиты.

- Самому можно, и даже очень близко. Иначе кто будет тебя попой от остальных прикрывать? - Глаза Вятича твердо глянули в мои, и я утонула... - А попка у тебя круглая и грудь крепкая, куда там русалкам!

Сказал и пошел прочь, ведя лошадь в поводу. И что делать - злиться, ругаться... Ни того, ни другого не хотелось, но не ответить я не могла!

- Когда это ты заметил?

- Подозревал давно, а вчера убедился.

- Где?!

- Грудь в разрез рубахи было хорошо видно, а попку нащупал ночью. Эй, Давид, чего подпругу так подтянул, лошади же неудобно! - сотника уже не было рядом, а я действительно не знала, плакать или смеяться. Если честно, то где-то в глубине было приятно и почему-то хотелось, чтобы сотник распустил руки...

Но он не распускал, а когда мы действительно останавливались в деревне, то старался пристроить меня на печке или еще где удобней, но куда самому хода никакого нет. Ратники относились к такому поведению уважительно. Я действительно была недосыгаема для всех, кроме Вятича, но тот посягать на мою честь не собирался. Меня интересовало одно - как долго это будет продолжаться. Или он ждет, что я сама кинусь к нему в объятия? Не дождется!

Встреча

Осенью монголы откочевали на юг, к Астрахани (интересно, а она уже существует?), совсем и, похоже, собрались там зимовать. Лично меня это не

устраивало вовсе! Он что же, уйдет безнаказанным? Вятич объяснял:

- Что мы можем против них в степи? Пока не подойдут к лесам ближе, даже подманить не сможем. Мы в степи все как на ладони, а их так много, что просто перебьют за первый же день, как перебили Евпатия с его дружинниками.

- Лучше так, чем никак!

- Настя, ты же помнишь, что Батый никуда не двинется до следующего года. Они приходят в себя и копят силы. Надо и нам так. А вот когда он двинется на запад к Переяславлю Южному и Чернигову, снова придет наше время. Нам тоже надо копить силы.

- Я должна год выжидать?!

- Мы предлагали тебе отправиться домой...

- А сейчас вы бы меня вернули?

- Нет, конечно, Ворон погиб, Анея где-то далеко... Одному мне не справиться, можно ошибиться.

- И что тогда?

- Попадешь куда-нибудь не туда, выискивай тебя потом...

- А если погибну?

- У меня на глазах - успею отправить обратно домой, а если где-то по глупости, то тоже можешь затеряться во времени.

Вот, блин, обнадежил! Вятич понял мое смущение и усмехнулся:

- Я тебе потому и твержу, чтобы не бросалась под танк без связки гранат. Ты должна быть у меня на виду все время.

Не взбрыкнуть я не могла:

- А сколько раз ты меня оставлял, когда куда-то уходил сам?!

- Я знал, что вернусь.

Я вздохнула и решила, что пора задать давно мучивший меня вопрос:

- Давно хочу тебя спросить... Мы не можем послать кого-нибудь в Козельск? Может, разузнают?

- Мы можем съездить туда и сами, оставив дружину пока в какой-нибудь крепости. Только ни Анеи, ни Луши там нет.

- А где они? Они живы?

- Живы, только где, пока не знаю. Чуть позже - зимой.

- А если Батый снова придет зимой?

- Нет, он уже ученый, не рискнет двинуться в снега и морозы снова. А до весны мы должны придумать, как его задержать до самой осени. Думай, шевели мозгами...

Мы пока мотались в приграничье, не решаясь уйти на север совсем. В один из таких дней Вятич вдруг напрягся:

- Впереди чужие...

Почему Вятич учуял их первым, я не поняла, действительно учуял.

- Что-то чувствуешь?

- Да, там сила... как бы сказать... там волхв, но не наш.

– Волхв волхва видит издалека?

– Зря смеешься.

– Я не смеюсь. Он один?

– Нет, за ним немалая военная сила, но это не русская дружина.

– Чем отличается русская от нерусской?

– Тем же, чем и волхвы.

– Можно подумать, я знаю, чем отличаются волхвы, – я проворчала это просто так, прекрасно понимая, что ни времени, ни желания что-то мне объяснять у Вятича не было.

Действительно, он встал, почти вытянувшись в струнку, обернулся в сторону края леса и осторожно протянул вперед руку, раскрытой ладонью словно прощупывая пространство впереди. Все напряженно ждали.

Не знаю, что уж он там учуял, но опустил руку спокойно:

– Можно выслать разведку, это не враги.

Там действительно были не враги, но и не русская дружина. Мощные кони несли просто богатырей. Крепкие бородатые мужчины в полном вооружении, словно тридцать три богатыря из пушкинской сказки, севшие на коней. Они остановились на расстоянии полета стрелы и тоже отправили вперед двоих.

Наши «послы» встретились посередине. Немного поговорив, все четверо замахали руками своим, показывая, что можно подъезжать. И все равно сближались осторожно.

– Ну, воевода, давай вперед, ты у нас главная.

– Я?!

– Ну а кто же? На ком княжий плащ и шелом? Давай, давай, видишь, народ ждет, – Вятич просто подтолкнул вперед мою Славу. И впервые послушная разумная кобыла чуть взбрыкнула, она оскалилась на Вятича не хуже, чем делала это на татарских лошадях. Мысленно я ахнула: во дает! На бывшего хозяина! Вятич тоже хмыкнул:

– Ишь ты, недовольна! Иди.

Я тихонько послала Славу вперед. Чего бояться, позади свои, в случае чего отомстят. И тут же обругала сама себя Анеиным ругательством: во дурища-то!

Навстречу мне выехал немолодой, явно опытный, прошедший множество сражений воин. Его сила чувствовалась во всем: в посадке на коне, в том, как держал голову, в пристальном взгляде серых глаз, в том, что они с конем составляли единое целое... От всей фигуры веяло уверенным спокойствием.

Вот это глава дружины! Не то Илья Муромец, не то Черномор на коне. А я? Тьфу! Пигалица.

– Я мордовский инязор Пургаз. Это мои воины. Кто вы?

Чтоб я знала, кто такой инязор! Воевода, наверное... Потом оказалось – князь.

– Мы из Козельска. Я... – Тут я притормозила, моя-то дружина признавала старшинство девушки, а как эти, не расхохочутся ли? – Я Настасья, это мои воины.

Мне показалось, или бровь инязора Пургаза все же приподнялась? Нет, не показалось. Но за моей спиной все же была конная дружина, причем немалая, и сомневаться в этом глупо. Мгновение Пургаз оценивал полученную информацию, потом усмехнулся:

– Козельск далеко, что вы делаете здесь?

– Хотели убедиться, что монголы ушли в степь окончательно и скоро на Русь снова не двинутся.

– Это они тебе сказали?

Я делано пожала плечами:

– Я не разговариваю с монголами, я их убиваю.

– Ох ты! – все же рассмеялся князь. – Откуда ж ты такая смелая?

– Сказала же: из Козельска!

Пререкаться глупо, но как выходить из положения, тоже непонятно. Не демонстрировать же этому Пургазу свое умение владеть мечом? И вдруг меня обожгло: совсем недавно кто-то говорил, что мокшанский князь, то есть мордовский, сговорился с Батыем и встал на сторону монголов! Неужели мы попали в западню?!

Не знаю, прочитал ли мои мысли Вятич, но подъехал, встав рядом. Только ничего предпринять не успел, я сама насмешливо поинтересовалась:

– Я слышала, мордва сговорилась с монголами?

Глаза Пургаза превратились в щелки, а рука стиснула поводья так, что побелели костяшки пальцев:

– Пуреш, они мокша. А мы эрзя! Мы никого не предавали!

Сказать, что у меня отлегло от сердца, значит солгать, у меня не отлегло, а отвалило огромный валун, даже дышать легче стало. Чтобы что-то сказать, я зачем-то поинтересовалась:

– Вы встречались с монголами?

– Только чуть, их слишком много, чтобы воевать со всеми.

– Да уж... И мы тоже щиплем хвосты, – я усмехнулась, – правда, удачно.

– Если монголы ваши враги, то мы вам друзья.

Пургаз что-то крикнул своим, и бородачи подняли оружие в приветственном крике. Я оглянулась, наши сделали то же.

Немного погодя мы уже сидели у костра, выставив общий дозор. Воины быстро нашли общий язык, скорее всего, он был русским, а то и просто языком жестов.

Пургаз объяснил, что их дружина тоже отслеживает движение монгольских войск, опасаясь, как бы не двинулись на север в их земли.

– Они обошли ваши земли?

– Не все. Но Пуреш сумел откупиться. – Князь как-то не слишком добро усмехнулся: – Дорого заплатил.

– Чем?

– Пуреш – мокша, мы – эрзя. Один народ, два племени, как два брата. Когда в наши земли пришли русские, мы не были довольны. Русские захватили многие земли, поставили свои города. Эрзя договорилась с булгарами и выступала против русского князя Юрия Всеволодовича. А мокша сговорилась с русскими и выступила против эрзя!

Ого! Гражданская война в тринадцатом веке? Оказалось, я права в своих опасениях. Действительно, князь мокши Пуреш вместе с великим князем Юрием Всеволодовичем бил своих же соплеменников. Было за что не любить сородичей.

– А что же эрзя?

– Эрзя не хотели, чтобы в наших землях стояли русские города! – Серые глаза Пургаза смотрели с вызовом, но я не ответила таким же взглядом. Я понимала нежелание народа отдавать чужакам свои земли, а потому глаз не опустила и только кивнула. – Мы ходили на Новгород, но не сумели его взять!

Мои брови изумленно приподнялись, эка, куда их занесло! Вятич усмехнулся:

- Нижний Новгород...

- А...

- А теперь, когда пришел более сильный враг и побил русского князя Юрия Всеволодовича, Пуреш сговорился с монголами и помогает им.

- А вы?

- Эрзя не может быть заодно с теми, кто просто нападает! Нам не нужны чужие земли и чужое добро, мы не трогаем уже битых.

- Вы воюете против монголов?

- Воюем? Нет, их много, они слишком сильны, и они пока не ходили в наши земли, только прошли по земле мокши.

И вдруг меня осенило:

- А если бы... монголы пришли в ваши земли, гонясь за нами, вы побили бы нас?

Несколько мгновений князь Пургаз пристально смотрел мне в глаза, я взгляда не отвела, потом покачал головой:

- Нет.

- А кому помогли бы?

И снова мгновения, показавшиеся бесконечными.

- Вам.

- Значит, если когда-нибудь нам придется отступить в ваши земли, мы можем рассчитывать на вашу поддержку?

- Что можете?

Он не понял мое слово «рассчитывать».

- Ждать от вас поддержки?

- Да.

Я нутром чувствовала, что слову этого князя можно верить. Пургаз вдруг усмехнулся:

- Ты сильная. У Пуреша есть такая дочь – Нарчатка. Если бы правила она, мокша никогда не стала бы вместе с монголами.

Неожиданно подал голос сидевший молча старик с пронзительными, глубоко запавшими глазами:

- Кто знает, что лучше для мокши.

- Дружба с врагами никому не может быть лучше!

Я с трудом удержалась, чтобы не спросить, а как же отношения с нами. И сразу поняла, что старик умеет читать мысли не хуже Ворона, он усмехнулся:

- Вы не враги, вам не нужны наши земли, вы защищаете свои.

Вот с этим я была совершенно согласна.

- Куда вы теперь?

В ответ можно было только пожать плечами, мы и сами не знали, потому что гоняться за Батыем по степи невозможно, а до теплого времени он, уже ученый русскими снегами, морозами и бескормией, на север не сунется.

Мы уже подумывали, не отпустить ли своих ратников по домам, но, во-первых, дома были далеко не у всех, во-вторых, где гарантия, что они соберутся обратно.

Инязор чуть подумал, а потом вдруг предложил:

– Если не будете распускать свою рать, то пойдете в наши земли. У нас нет городов и крепостей, таких как Рязань, но где разместить до весны, найдем.

Это было нелепо, что, у русских своих городов и деревень мало?

Пургаз возразил:

– От нас к Волге, где монголы кочуют, много ближе.

Подумав и посоветовавшись, мы решили действительно предложить рати определиться. Возможно, не все хотят и дальше гоняться за Батыем, все же пока он не в Русской земле. У многих дома остались семьи, надо бы проведать, в первую очередь это касалось дружины князя Романа, у козельских-то ничего, хотя и им хочется посмотреть на родной город, вернее, его руины.

Пургаз объявил, что будет ждать нас два дня у брода, если мы не придем, уйдет. На том и порешили.

Мы не стали решать общим голосованием или вечевым криком, здесь каждый должен сказать за себя. Князя Романа, которому приносили клятву, уже нет, мне никто не клялся. Повоевали сколько и как смогли, дальше никто никого заставлять не будет.

Я объяснила, что те, кто решит остаться в моей рати, должны знать, что я не успокоюсь, пока не вздерну проклятущего Батыя на березе или не придушу его собственными руками. Вятич был более прозаичен:

– В рати останется только тот, кого дома никто не ждет. Нечего гоняться за Батыем, если семья голодает. Кому идти некуда, действительно может пересидеть зиму у Пургаса, по весне соберемся и снова в поход. Если кого из дома отпустят, тоже не откажемся принять. Но прежде всего семьи. Батыя нам не сдержать, если снова на Русь поперет, остается только запугать. Это уж как получится.

Мне хотелось выругаться, обнадежил называется, мол, ребята, погоняли Батые – и будет. Теперь по домам и сидите там, пока в ваши деревни и города снова монголы не нагрянут.

Вятич в ответ на мой выговор почти окрысился:

– А чего ты хочешь, чтобы по весне пахать некому было?! Настя, у них жены и дети, а если нет жен и детей, так есть матери и сестры. Это не наемники, вся жизнь которых в походах. Посмотри, у нас почти не осталось княжьих дружинников, только ратники. Я же тебе не зря сказал, что у тебя рать, а не дружина. Ты хоть разницу знаешь?

– Куда мне, тупой? Даже не догадываюсь!

– Боюсь, что да. Ратники – это те, кто пришел из ополчения. Они бьются хорошо, но это не основная их жизнь, пойми. Им пахать и сеять надо.

– Чтобы монголы снова все забрали?

– А вот это уже наше с тобой дело, но если еще одну весну не посеют, то не только забирать нечего будет, но и нам с тобой есть тоже.

Я понимала, что он прав, но отказаться от надежды изловить Батые и свернуть ему шею просто не могла.

Два дня мои воины думали, а потом рать поделилась. Часть действительно просто ушла по домам, в надежде разыскать хоть кого-то из своих родных. Часть только отпросилась до весны посмотреть, живы ли. И только четверть отправилась к броду, чтобы переждать зиму у инязора Пургаза.

Однако все заверили меня, что если только будут живы, то к месту сбора к Медвежьему дню обязательно соберутся. Вятич даже гаркнул:

– Собраться только тем, кому ни пахать, ни сеять не надо! Остальные чтоб дома сидели и жизнь налаживали! Если понадобится, свистнем.

Пургаз сотника поддержал, увидев у брода позади меня меньше четверти ратников, кивнул:

– Правильно сделала, что по домам отправила. Второй год жизнь раскорякой, надо налаживать. Пусть пашут, придет еще время мечом размахивать.

Я тихонько злилась, на Руси всегда так: чуть пронесло, сразу все забыли! Сейчас добить бы Батю, собравшись всем вместе, а князя тут же бросились города отстраивать, соборы новые возводить, власть делить. И Пургаз хорош, в его земли монголы не добрались, так он решил теперь отсидеться?! Понимала, что не справедлива, что уж Пургазу-то досталось, и за селения, что скрыты в глухих лесах и не достались ордынцам, можно только порадоваться, а не укорять, все понимала, но поделаться с собой ничего не могла.

Потому что рушилась моя золотая мечта – убить Батю! А без нее что мне делать в этом тринадцатом веке?

Вятич ехал со мной рядом, тоже мрачный донельзя. Наконец, не выдержав, я поинтересовалась, чего это он злится, ведь по его настоянию все получилось.

– В тебе ошибся.

– Чего?!

– Мне показалось, ты немного другая.

– Интересно, в чем это? Не знаю, зачем притащил меня в это время ты, но я с самого начала твердила, что моя главная цель – убить Батю.

– Ты не представляешь, как это трудно сделать и что тебя ждет, если не откажешься от этой мысли.

– Я откажусь?! Я?! Не дожدهшься! Не надейся.

– Я не надеюсь, просто я взял на себя слишком большую ответственность. Ты же не все знаешь...

– Ну, так скажи все, к чему держать меня за китайского болванчика: толкнул – покачала головой.

– Узнаю Настю. Ладно, воительница, смотри, куда едешь.

Пургазова Русь

Инязор Пургаз очень гордился своей землей, своим народом, своим родом. Мы совершенно не были против. Здесь текла нормальная, обычная жизнь, монголы не добрались в эти глухие леса, многотысячному войску не пройти по нешироким рекам, а если и пройти, то с них не свернуть. Мокшанам под предводительством Пуреша, живущим на торговом пути, досталось куда сильнее.

Вот они, преимущества лесной жизни! Пришел враг – ушли в соседний лес, и хрен сыщет. А что дома спалит, так новые поставить можно, вон леса сколько. И любого врага на подходе из чащи стрелами побить достаточно просто, особенно если места знать, где залечь и засесть.

Любая мало-мальски приметная дорога то и дело завалена поперек явно не от непогоды упавшими лесинами. Увидев такую впервые, а рядом тропинку, уводящую влево (ну явно же обход), я чуть не свернула туда. Вятич удержал. Тихонько покачал головой и показал направо. Но справа сплошные кусты, где там объезд?

Дальше был цирк, потому что Пургаз повернул именно направо, а перед тем два спешившихся ратника шустренько подхватили куст вместе с большущим комом земли и... отставили в сторону, потом проделали операцию по извлечению из земли со вторым кустом. В результате проезд оказался вполне приличным. После того как все прошли, кусты вернули, все разровняли и даже пригладили.

Я осторожно поинтересовалась у князя:

– А слева?

– Волчья яма.

Хотелось ехидно поинтересоваться, что было бы, не останови меня Вятич, но Пургаз ответил без вопроса:

– Вятич хитрый, загодя подвох чует. Ты его слушай, он в волчью яму не заведет.

Сотник делал вид, что оглох и очень занят упряжью своей кобылы. Ну да, мы же скромные...

Лес вокруг вековой, местами обомшелый, красотища неопишная. Даже я, уже отвыкшая вообще чему-то удивляться, дивилась. И Вятич дивился, это я видела, хотя он и старался скрыть.

Селение (интересно, как они называются?) открылось на широкой поляне вдруг. Просто шагнули в проход через заросли и оказались перед высоким тыном из заостренных толстенных лесин. Лесины глубоко вкопаны в землю, плотным рядом одна к другой. Если бы ни заостренные концы наверху, могло показаться, что сам лес сплотился, чтобы заступить дорогу к домам.

Чуть позже я поняла, что и вкопаны-то они хитро: ряда два, внешний, метра на два отстоявший от внутреннего, с наклоном наружу. Умно, даже если враг сумеет перебраться через эти громадные колья, то просто попадет под стрелы защитников, а бьет лесной народ не хуже степного – метко и быстро.

Тяжеленные ворота открывались наружу и были тоже чуть наклонены – внутрь. И снова хитрость, ведь такие если и откроешь, на весу держать нужно. Вот и получилось, что защищенную только деревом крепость взять трудно, почти невозможно. Осадные машины через бурелом и волчьи ямы не протащишь, а без них весь защищен от любых нападений. Разве что спалить... Но если делать это в сухую погоду, то можно и самим не успеть убежать, а в мокрую не загорится.

Я мысленно усмехнулась: весь защищен не деревом, а человеческим разумом. Молодцы эрзяне.

Появлению инязора Пургаза были явно рады, даже при том, что он привел с собой чужаков. Сразу чувствовалось, что Пургаз популярен, к нему без подобострастия, но очень почтительно подходили даже старики, произносили какие-то слова, уважительные, благожелательные.

Еще на привале я тихонько поинтересовалась у Вятича, что значит «инязор». Тот пожал плечами:

– Я не эрзя, Настя. Сейчас спросим.

Ответил человек, которого мы приняли за колдуна.

– Инязор, как у вас князь. Как раньше на Руси был князь, когда-то и у вас выбирали. Князь – это лучший, самый сильный и опытный. Хотя инязором может стать и молодой. Вот ты – инязор для своих воинов, они тебя выбрали, признали и уважают.

– А волхвы у вас есть? Вы волхв?

– Нет, у нас нет людей, которые только приносят жертвы богам или разговаривают с ними. С богами могут говорить все, необязательно на капище, можно на могилах предков. Предки услышат и передадут. А того, кто следит за приношением жертв, выбирают из лучших. Иногда всего на год, иногда надолго.

– А как передаются знания от одного поколения к другому?

Он явно не понял, пришлось переиначить вопрос:

– А как то, что люди знают, сохраняется от предков к потомкам?

– От матери к дочери, от отца к сыну, от одного инязора к другому.

Мало того, в веси явно был какой-то праздник. Как оказалось, лемдема – давали имя новорожденному мальчику, нечто вроде крестин. Уже все было готово к принесению жертв духам – покровителям дома и умершим предкам. Мы вовремя, правда, присутствие чужаков чуть смутило жителей веси, но отнеслись вежливо,

все же мы явились вместе с их инязором.

Мы тихонько стояли в стороне, пока приносились жертвы, самой страшной из которых, как я поняла, был петух. Из нас таковые делать никто не собирался.

Когда какая-то женщина, судя по всему повитуха, подала большой пирог Пургазу, а второй взяла себе и подняла над головой младенца, я услышала, как инязор что-то ей тихо сказал, кажется, там было имя Вятич...

Так и есть, женщина, ударяя свой каравай о тот, что держал Пургаз, громко произнесла фразу, оканчивающуюся именем Вятич! Вокруг ахнули, а Пургаз, строго оглядев окружающих, что-то пояснил. Все как по команде повернулись к сотнику.

Сзади послышался чуть насмешливый голос нашего знакомого:

– Ребенку дали имя Вятич, а Пургаз объяснил, что это хорошее имя, потому что принадлежит хорошему человеку.

– Ну вот, Вятич, у тебя в эрзянской деревне крестник. – Я была настроена на веселый лад, а вот сотник на серьезный.

Он полез за пазуху, вынул оттуда какой-то оберег, снял через голову, пошептал над ним, держа в ладонях (все это в полной тишине, потому что эрзя стояли, кое-кто даже рты раскрыв), и протянул Пургазу. Инязор понял все без слов, он принял оберег и надел его на шею малышу.

И без объяснений было ясно, кто отец ребенка, один из молодых мужчин столь напряженно следил за всем происходящим, что перепутать невозможно. Пургаз повернулся к нему, что-то объяснил, папаша кивнул и поклонился Вятичу. Тот прижал руку к груди и склонился чуть не лицом в колени.

Теперь уж сородичи новорожденного зашумели, явно облегченно и даже радостно. Нас приняли за своих.

– Вятич, ты отдал свой оберег?

– Свой нельзя отдать, Настя. Я отдал один из наговоренных.

Я чуть подумала и снова полезла с расспросами:

– Но я же отдала Евпатию Коловрату?

– Чем все закончилось, помнишь? И для него, и для тебя.

– А если бы не отдала, он не погиб бы?!

– Все равно погиб, только гораздо раньше. Ты все правильно сделала, только ходишь теперь со шрамом.

– Тебе мешает мой шрам?

– Мне? Лично мне даже нравится, если по нему осторожно провести пальцами... – Вятч не делал того, о чем говорил, только смотрел, но у меня было такое ощущение, что его пальцы действительно касаются шрама, и все существо просто захлестнула теплая волна, – то ты отвечаешь не как ежик-колючка, а как милая барышня.

– Я... я...

Вятч только глянул чуть насмешливо и отправился разговаривать с Пургазом. А я осталась переваривать очередную загадку сотника.

Он словно видел меня насквозь, знал каждое движение моей души, знал лучше Андрея, с которым я спала два года, лучше князя Романа, для которого я, наверное, была одной из... Вятч умел приласкать, не прикасаясь, одним взглядом, полунамеком, тихим ласковым смехом. И я таяла, как мороженое на горячей печке, растекалась пломбиром по тарелке, хочешь – слизывай меня, хочешь – стряхивай.

Кто же ты, сотник Вятч?

С удивлением поймала себя на том, что не хочу разгадывать, пусть остается тайной. Так даже интересней, это как подарок под новогодней елкой в детстве,

точно знаешь, что положил не Дед Мороз, а кто-то из родных, но веришь, что там именно то, что ты тайно желала. А нахождение рядом с Вятичем – это словно последний миг перед тем, как обертка подарка разорвется, – и чуть страшновато, и захватывающе одновременно.

В веси мы застряли на пару недель. Мужчин своих я просто не видела, им нашлось дело – валили лес для нового дома, меня сначала взяли под опеку женщины. Но толка было мало, они не знали русского, я – эрзянского, объяснялись только знаками, то и дело смеясь из-за накладок. Я возилась с детьми, рассказывая им сказки или напевая песенки, малышня меня понимала и того меньше. Но таков уж слог у нашего дорогого Александра Сергеевича, что его можно часами читать хоть в тундре, хоть в Непале, хоть в веси у эрзя в тринадцатом веке, сама мелодия стиха все равно берет за душу.

«Лукоморье» шло на ура и у детской, и у взрослой аудитории, впрочем, и «Евгений Онегин» тоже. Через день местная малышня ходила за мной хвостами, то и дело подставляя ладошки для «сороки-вороны», которая кашку варила. Однажды я в очередной раз рассказывала «Машу и медведей» в лицах, мелюзга с визгом бросалась прочь, когда старший медведь грубым голосом интересовался, кто сожрал его кашу, но тут же возвращалась обратно, чтобы услышать тонкий жалобный голосок обиженного Мишутки.

Я так увлеклась, что не заметила Вятича, стоявшего у самой двери. И только когда «поднялась на дыбы» в образе Михайлы Ивановича, выясняя, кто смял его постель, и оказалась прямо перед лицом сотника, вдруг увидела, как он на меня смотрит. В глазах было изумленное восхищение. От этого взгляда бросило в жар, но я храбро взяла себя в руки, тем более малышня уже теребила за рубашку, требуя продолжения представления, и действительно продолжила.

Мои моноспектакли на непонятном, но мелодичном языке имели оглушительный успех, но у меня нашлось и другое занятие, больше соответствующее моему предназначению, как я его понимала.

На второй день нашего пребывания ко мне подошел один из эрзя, покрутил в руках мой лук, сокрушенно покачал головой и что-то сказал. Я только развела руками. И без качаний головой прекрасно понимала, что лук у меня не ах, но Вятич не спешил мне менять, все равно стреляю плохо. А вот эрзя решил это

сделать.

Он рукой поманил меня за собой, показал, чтобы подождала, и вынес другой лук. Он был чуть больше моего, и форма немного иная, но в общем удобно.

Дядечка тут же принялся показывать мне, как ловчее держать налучье, как натягивать тетиву, как вовремя убирать пальцы... Обучение пошло как по маслу, через час я, уставшая, но счастливая, уже ловко отправляла стрелу точно в цель на гораздо большее расстояние, чем раньше.

Всячески поблагодарив хозяина знаками, я попыталась выяснить, что должна заплатить. На мое счастье, пришел один из дружинников инязора, знавший русский. Он отрицательно покачал головой:

- Нет, платить не надо. Это подарок.

- Спасибо, но это слишком дорогой подарок.

- Это лук его дочери, она была хорошей охотницей и ловко била белку в глаз. Но лук боевой. Бектяш хочет, чтобы ты тоже хорошо била, ты сможешь, ты упорная и крепкая. А платы не нужно, ты хорошо рассказываешь детям истории, Бектяш любит тех, кто любит детей.

Пришлось еще не один раз приложить руку к сердцу, благодаря за роскошный подарок.

Увидев у меня лук, Вятич чуть присвистнул:

- Откуда?

- Подарили. И стрелять, между прочим, научили.

- Да ну?

- Ну да!

Потом я задумалась, почему Вятич так и не смог толком научить меня стрелять. Почему я, легко владевшая мечом, уже накачавшая силу в руках, становилась абсолютно бестолковой, когда дело касалось лука? И вдруг поняла.

Все, как когда-то в Козельске с Лушкой, когда я переучивала ее читать. Сестрица буквы знала, но произносила их названия вместо звуков. Когда это разъяснилось, Лушка моментально стала читать, как все нормальные люди. Так и я. Вятич научил меня правильно держать налучье, тетиву и стрелу, но когда он вставал за спиной и, обняв за плечи, начинал вместе со мной натягивать тетиву, мое дыхание напрочь сбивалось и руки слабели. Его, кстати, тоже. Нормально дотянуть тетиву не получалось, прицелиться тоже, и я просто бросала это занятие.

А здесь мне показывал мужик, у которого дышалка вовсе не сбилась, и я все сделала верно, отправив стрелу если не в десятку, то уж в восьмерку точно.

Уже наступила настоящая золотая осень. Лес стоял роскошный – то кроваво-красный, то золотисто-желтый, то темно-зеленый из-за елей, то просто зеленый со стволами янтарно-коричневых стволов сосен. Красотища...

Мужчины быстро ставили новый дом для одного из жителей веси взамен недавно сгоревшего. Когда умелых рук много, все получается быстро и ловко.

После новоселья мы уехали в следующую весь. Она тоже была глубоко в лесу.

– У эрзя есть города?

– Как у русских с большими домами? Нет, нам не нужно. Если построить такой город, люди не будут из домов видеть лес.

Но город все же оказался, до него мы добрались уже в середине осени. Я даже отдаленно не представляла, где мы находимся, вокруг лес, лес и еще раз лес. Наверное, если влезть на самую высокую сосну, то ничего, кроме стены деревьев, не увидишь...

«А вокруг голубая... голубая тайга...»

– Что?

– Да так, песенку какую-то вспомнила. Где мы находимся, не знаешь?

– Вроде Саровское городище... Речки Сатис и Саровка...

Так, уже легче. Саров – это Арзамас-16. Чтоб мне это о чем-то сказало! Где у нас Арзамас да еще и 16? Точно! Где-то там, в лесах.

Нет, я пространственным кретинизмом не страдала, но кто из нас, живущих в Москве двадцать первого века, сможет с лету вспомнить взаимное расположение небольших городов матушки-России? Да еще и тех, в которых ни разу в жизни не был.

Где Саров, который Арзамас-16, каюсь, так и не вспомнила. Пусть простят мне это такое безобразное отношение к их любимому городу жители Сарова... Зато, если вернусь, непременно расскажу, как выглядел их город в умопомрачительной древности. Меня вдруг осенило: я вообще должна все запоминать, запоминать и еще раз запоминать! Иначе командировочка пройдет зря.

Так, начинаем запоминать! В речку Сатис под острым углом впадает речка Саров. На образованном ими остроугольном мысу стоит город. Конечно, он не похож ни на Козельск, ни тем паче на Рязань. Никаких луковок соборов, никаких колоколен, крепкие стены ограждают деревянные постройки, правда, часто в два этажа.

Все из таких толстенных бревен, что я просто не понимала, как вот это такое можно срубить топором, не говоря уже о необходимости притащить из леса и поднять на высоту второго этажа. Вокруг люди как люди, рослые, конечно, крепкие, особенно женщины по сравнению со мной (я против них пигалица). Красивые, сероглазые, светловолосые... очень стройные, у всех прямые плечи без малейшего намека на сутулость.

Отвлеклась, про самих эрзя потом, сейчас о городе. В нескольких метрах от основной стены в землю, как и в тех весях, что мы проходили, врыты колья из целых стволов с наклоном наружу. Колья, как и все остальное, огромные. Хитро, потому что, перебравшись через них, штурмующий попадал в пространство,

которое прекрасно простреливалось со стены, и на некоторое время поневоле застревал. Не говоря уже об осадных машинах, которые через эти колья просто не перетащишь. Хотя какие осадные машины, если мы на лошадях цепочкой-то по лесу с трудом пробирались!

Сюда Батый точно не дойдет, Пургазу можно не беспокоиться. И чего он аж на реку Воронеж вылез?

В первый же миг, попав внутрь стены и оказавшись ближе к мысу, я испытала нечто. Нет, оно не было связано ни с увиденным, ни с происходившим вокруг. Просто ощущение столба, открывавшегося вверх в немыслимую высоту и даже глубину космоса...

– Вятич, что это?!

– Что ты чувствуешь?

– Столб... энергетический столб...

Он крепко взял меня за руку.

– Тебе плохо?

– Нет, и даже не страшно, просто потрясающе.

Но вокруг нас люди, долго стоять триумфальной колонной посреди небольшой площади между домами не дали.

А вот здесь к нам отнеслись более настороженно, чем в лесных весях. Почему? Так во всех городах или мы чем-то не понравились? Быстро поняли: не понравилось, что мы русские. Чем это им русские досадили? Боялись бы лучше вон монголов.

Объяснил приставленный к нам эрзя Тёкшонь. Он очень гордился своим «княжеским» именем, Текшей звали славного инязора эрзян, и именем действительно можно было гордиться. Но требовалось оправдать...

Парень рассказал, что русских не любят за то, что десять лет назад с ними крепко воевали. Русские князья захватили эрзянские земли, поставили на них города, инязор Пургаз даже воевал Нижний Новгород, только неудачно.

Так... Нижний Новгород – это уже легче, это на Волге, и я даже помнила, в каком ее месте. На вопрос, в какой стороне этот самый Нижний, Тёкшонь махнул рукой на север:

– Там.

Я развела руками:

– Но мы не князья и совсем из других мест. Русь большая, мы не можем отвечать за всех русских.

Очень хотелось добавить, что я вообще здесь ни при чем...

– Эрзя тяжело, со всех сторон те, кто хочет взять наши земли.

Зря он беспокоится, взять их земли слишком трудно, весь от веси через бурелом и волчьи ямы, кто сюда доберется?

– С одной стороны русские пришли и стали ставить города, с другой булгары и буртасы...

Он явно чего-то недоговорил.

– А что с мокшей, почему не дружите?

Я явно наступила на любимый мозоль, парень аж взвился:

– Мокша – предатели!

Вот те раз! Интересно, в чем это выражается?

– Они договорились с русским князем Юрием Всеволодовичем и напали на нас ему в угоду! А инязор Пургас в ответ договорился с Булгарией. Только те тоже предали эрзя, не стали помогать нам воевать Нижний Новгород.

Понятно, в семье гражданская война, брат на брата и соседей на помощь. Самое, между прочим, поганое дело – бить брата при помощи соседа...

Кажется, я высказала это вслух, потому что Тёкшонь внимательно на меня посмотрел и согласно кивнул:

– Только не все русские так думают.

– Все не могут думать одинаково, – это Вятич. – А про Юрия Всеволодовича можешь своим сородичам сказать, что он не только эрзя обижает... обижал, но и русских тоже. Рязань сжег хуже любых степняков, а людей в плен увел.

Я не стерпела:

– Ты не видел сожженной Батыем Рязани.

– Во-первых, видел, во-вторых, твой отец чуть не погиб именно там, когда горела Рязань от руки великого князя Юрия Всеволодовича, а потом вместе с твоей бабушкой и Анеей был угнан в полон в Переяславль. Оттуда дед выкупил из плена.

Хотелось заорать, что князь сволочь, но Вятич сжал мое запястье, и я промолчала. Зато рассказ о страданиях моих предков от руки князя Юрия Всеволодовича явно произвел впечатление на Тёкшоня, к товарищам по несчастью отношение иное. Видно, он рассказал остальным, и мы стали почти героями былых сражений. А когда выяснилось, что я вообще можно сказать боевой офицер, прошедший немало сражений, стали куда приветливей. Дети с раскрытыми ладошками следом не ходили, но на улице все приветствовали с поклоном.

Меня поражали эрзянские женщины. Они были крепкими, сильными, но главное – их ноги – у всех даже не полные, а просто толстые. Короткие юбки (не мини,

конечно, но не до пят), несомненно, чтобы именно эта полнота и была видна. А еще походка – тоже откровенная демонстрация силы.

Вятич, как и все наши парни, девушкам понравился. Тут я испытала немало неприятных минут. С одной стороны, хотелось сказать, что иначе быть не может, потому как плохих не держим, с другой – они глазели на моего Вятича. Привыкла к тому, что сотник мой и только со мной, но никогда не задумывалась, что он мужчина, мужчина привлекательный, даже очень привлекательный, что на него могут заглядываться женщины.

В Сарове, как мы стали звать город, нас расселили по разным домам, это нормально, иначе никак, но Вятич оказался от меня довольно далеко. Просто меня пристроили в дом к вдове, которая немного владела русским, а сотник с тремя парнями оказался в доме самого Пургаза. Почему меня не поселили там же, не понимаю, видно, чтобы не стесняла мужиков. Во всяком случае, вокруг Пургазова двора с утра до позднего вечера крутилось немало девиц и молодок.

Теперь я, кажется, поняла, зачем хитрый Пургаз потащил нас так глубоко в лес в свои веси. Вдов после разных сражений у эрзя, как и у остальных, осталось много, всем нужны мужчины, к соседу под бок опасно, жена может круто возразить, а тут пришлые, сильные, крепкие, к тому же свежая кровь... И им приятно, и роду вроде как прибыльно, и женщины довольны.

Я была не против, чтобы мои парни спали с молодками, но только не Вятич. Они что же, и сотника решили захомутать?! Вокруг Вятича постоянно отиралось несколько таких вот крепконогих. И что делать? Как-то возражать – глупо, это его право, но и наблюдать за тем, как на моего наставника пялятся, стараясь зажечь и его, рослые девицы, тоже не в кайф.

А девушки были действительно красивые, все как на подбор блондинки с длинными волосами (вот когда я пожалела о своей косе, оставшейся валяться на Николином дворе в Рязани!), сероглазые, стройные... Против них я пигалица, да еще и ошипанная, как курчонок. А боевое прошлое... ох, боюсь, оно необязательно для того, чтобы затащить парня на сеновал или задурить голову даже такому, как Вятич.

По поводу ног я быстро выяснила хитрость эрзянских девушек – они просто наматывали на ноги полоску за полоской тонкую белую ткань, чтобы ноги

действительно выглядели толще! С позиций девушки двадцать первого века это казалось полным бредом, но кто его знает, как отнесутся мои ратники к таким завлекалочкам? А если они вообще решат остаться в этих благословенных лесах? Уеду одна!

Я настолько привыкла, что Вятич с утра до вечера возится со мной, что простить ему внимание еще к кому-то не могла. И даже внимание кого-то к нему тоже. Уколы ревности? Наверное. Но это такое вредное чувство, которое никакими разумными размышлениями не истребить, сколько ни старайся.

Не удержалась, чтобы не съязвить по поводу особой стройности ножек:

– Вятич, замучаешься у такой красотки тряпки с ножек разматывать, чтобы в постель затащить!

Он внимательно посмотрел на меня и поинтересовался:

– Ты здесь кому-нибудь об этом говорила?

– Нет, зачем? Это их мода, если нравится, пусть мотают.

Сотник удовлетворенно кивнул:

– Советую не критиковать, это действительно их мода и их дело. – И вдруг наклонился к моему уху: – А женщину в постель можно затащить и не разматывая и даже не раздевая. Тебе это никогда в голову не приходило?

Выпрямился и пошел по своим делам, а я осталась, как дура, переваривать. Нет, сообразила я сразу, но ответить не смогла. Конечно, он прав, только эта правота была сродни пощечине. Да чтоб я еще хоть слово сказала! Пусть хоть со всем Саровом переспит! Пожалуй, только вон с Салуней не нужно, это будет совсем у меня на виду.

Я ненавидела законы природы, заставлявшие моих ратников глазеть на девушек, и наоборот. Но поделаться против этих законов ничего не могла.

Мне было грустно и скучно. Шла вторая неделя пребывания в Сарове, Вятич с местными без конца на охоте, носили и носили птицу, которая уже потянулась стаями на юг. Женщины щиплют и складывают про запас. Хозяйка знала русский ровно в объеме «есть будешь» и «спать пора», что я вполне могла бы понять и без перевода. Доить козу я не умела, да и вредное животное к себе никого, кроме хозяйки, не подпускало, Салуня, у которой я жила, взялась за веретено, что мне тоже недоступно, было скучно.

Большую часть дня я тренировала руку, пуская и пуская стрелы в цель. Сначала это привлекло местных мальчишек, они висели на нашем плетне гроздьями, едва не свалив его, через пару дней пообвыкли, и я занималась уже без любопытствующих. Убедившись, что моя скромная персона больше никого, кроме меня самой, не интересует, я принялась упражняться с мечом.

Салуня вдруг сказала, что завтра пойдет за ягодой на болото.

– Я тоже.

– Хорошо.

Вот и все общение. Вятич что, хочет, чтобы я разучилась разговаривать вообще? Или ему теперь наплевать на меня?

Мы вышли не рано, чтобы не мочить зря ноги, на болоте и в летний сухой день-то влажно, а уж осенью тем более. Но болото было не такое, в каком я чуть не утонула, пытаюсь спасти поросенка, здесь не чавкало под ногами, только пока входили, пришлось перескакивать с кочки на кочку, а потом пошла сушь, сплошь усыпанная красным. Клюква...

Эта ягода ленивая, лежит себе на листиках, грея один бок на солнышке, так и спеет с одной стороны. Зато когда созреет вся... Вообще-то, я любительница сладких ягод и фруктов, но клюкву обожаю, хотя она и кислая.

Салуня показала рукой на россыпи, мол, это все наше. Понятно, тут ее столько, что больше никуда ходить не нужно, кочка – туесок, кочка – второй... Я жительница сугубо городская, в деревенской жизни не смыслю ничегошеньки, репу от редьки, даже вытащенную из земли, вряд ли отличу, но ягоды собирать люблю и умею. Просто, когда руки снимают одну ягодку за другой, что с куста

малины, что черники, что вот клюквы, голове хорошо и свободно думается.

Руки замелькали, туюски стали быстро наполняться. Определить время мне было сложно, я не ориентируюсь по солнцу, а мобильника в кармане как на грех не было, пришлось оглядываться на Салуню. Та, видно, решила, что я боюсь потеряться, успокоила, мол, без тебя не уйду.

Тоже хороший вопрос, я довольно легко ориентируюсь в пространстве, и в какой стороне город, представляла. Но остаться одной на болоте в лесах на месте будущего Сарова в одиночестве... это уже был бы перебор. Именно поэтому я не рвалась ходить с женщинами за грибами. Они вокруг каждый кустик знают, а я? Или грибы собирай, или за ними смотри, чтобы не аукать потом до посинения. Здесь проще, на болотце местность легко проглядывалась, Салуню видно, долго искать глазами не приходилось.

Вот обе мои корзины и полны... Я подошла к Салуне:

– Я все.

Та вскинула глаза, ахнула:

– Быстрая! Подожди немного.

Но ждать пришлось не мне, а ей. На краю сухой части болотца, где мы собирали ягоды, вдруг появилась фигура старика с посохом. Он явно сделал мне знак, чтобы подошла.

– Салуня...

Женщина смотрела туда же, но страха в ее глазах я не заметила. Значит, знает, кто это.

– Он зовет меня?

– Тебя.

– Кто это?

- Не знаю.

Ну ни фигя себе! Ее гостью зовет к краю болота какой-то мужик, а она спокойна, как мамонт! Ну и нервы у этих эрзянок...

- Настя, не бойся, подойди.

Голос негромкий, но слышно хорошо. Он знал мое имя...

Я переступала через кочки, усыпанные ягодами, и думала, что просто свихнулась - иду навстречу незнакомому человеку, который может просто заманить меня в болото и погубить. Но страшно почему-то все равно не было. Интересно, что бы сказал по этому поводу Вятич?

- Вятич сказал бы: «Иди».

Я была уже рядом со стариком, остановившись как вкопанная.

- Откуда вы знаете, о чем я думаю?

- Я не буду заманивать тебя в болото, не для того проделал такой долгий путь.

- Откуда?

- Присядем, устал...

Он со вздохом присел на поваленное дерево, жестом приглашая присоединиться. Вообще-то я тоже устала сидеть на корточках, но долго рассиживаться посреди болота с незнакомым человеком не собиралась.

- Так откуда?

Он вскинул на меня глаза, и я увидела, что он очень похож на Ворона, стало даже не по себе. Старик скупно улыбнулся, сделал успокаивающий жест:

- Я не Ворон. Что тебе он во всех мерещится?

Присела.

- Настя, тебе пора обратно. Вятич все тянет и тянет...

- Два вопроса. Почему пора? Я еще не убила Батыя. И почему тянет Вятич? Вообще зачем он меня сюда притащил?

- Почему тянет и зачем притащил, это ты у него спроси. А пора, потому что у Батыя появилась слишком сильная помощница. Если она встанет против тебя, может случиться беда.

- Что за помощница?

- Шаманка. Она сумела привлечь в помощь всех духов погибших монголов и еще много что. Пока ты сидишь спокойно, она тебе не страшна, но как только начнешь воевать против Батыя, столкнешься с ней.

Ну дела...

- И что делать? Сидеть, бояться?

- Ты можешь остаться жить здесь. Спокойно, тихо... Монголы сюда не скоро доберутся.

- Или?

- Или отправиться домой, в Москву.

Взыграла вся строптивость разом:

- Вы забыли третье «или»: одолеть шаманку!

Глаза старика стали темными.

- Ты уверена, что это тебе под силу?

- Мне нет, а с вашей помощью?

- Ты даже не представляешь, о чем просишь. Это не монгольских коней волчьим воем пугать... Здесь платой может стать душа.

Обнадежил называется.

- Меня часто называли бездушной.

Старик вдруг поднялся:

- Ты запомнила это болото? Найдешь сюда дорогу сама?

Прийти сюда одной? Зачем? Удовольствие не слишком... Я даже на всякий случай оглянулась, чтобы убедиться, что Салуня не ушла, бросив меня болтать со стариком.

- Найдешь, - решил он за меня. - Завтра в середине дня приведешь Вятича. Вон там, - жилистая рука показала на тот край болота, откуда пришел он сам, - мы подождем. Больше никому не говори. Вятичу скажешь, что Славен пришел.

- А Салуня?

- Она не будет помнить.

Так, эти штучки мы у Ворона уже видели.

- Это не штучки, иногда надо!

Ясно, и мысли читаем, как Ворон.

Дед в ответ рассмеялся на удивление молодым для седых волос и глубоких морщин смехом.

– Ты удивляешься самым простым вещам, а хочешь сразиться с сильной шаманкой. Иди, тебе пора.

Когда я подошла к Салуне, та зачем-то поинтересовалась:

– Нашла?

– Что?

– Ну, ты за туеском, который там оставила, ходила. Нашла?

Туесок спокойно лежал рядом с одной из моих корзин. Я кивнула:

– Чего его искать, лежал на видном месте.

Оглянулась на тот край поляны, старика, конечно, не было.

Салуня уже тоже добрала свои корзины, мы старательно их завязали, чтобы не рассыпать ягоды, и тронулись в обратный путь. Ни единого вопроса о том, с кем это я разговаривала на краю болотца, не было. Она и впрямь ничего не помнила.

А я? Вдруг я также много чего не помню? Сначала разговаривают, а потом на раз, два, три стирают все к чертовой матери из памяти, и ладно.

Я старалась не думать о том, что услышала. Просто боялась, что не удержусь и проговорюсь или переживания будут заметны на лице. Все же меня предупредили, чтобы не будила лихо, пока оно тихо. А вот если разбужу, то буду иметь дело с такими силами, с которыми самой не справиться.

Нечего сказать, спокойный у меня уик-энд! Снова мелькнула мысль: что скажет Вятич.

Вятича я обнаружила в обществе двух своих ратников и трех девиц, каждая из которых старалась привлечь внимание именно к себе. Гнусно, понимающе

хмыкнула и позвала:

– Извините, что помешала приятному времяпрепровождению. Мне нужно тебе что-то сказать.

Сотник спокойно встал и вышел за мной.

– Что случилось?

– Я понимаю, что отрываю от приятной беседы, – ехидство из меня так и перло, – но завтра тебе нужно быть на болоте.

– Где?

– Завтра ты пойдешь со мной на болото, где мы сегодня брали клюкву!

Оставалось только добавить, что это приказ и обсуждению не подлежит.

Я разозлилась, он совершенно меня забыл, забросил, и больше ничего неверному наставнику объяснять не собиралась! Все мужики сво... сериал прав, даже те, которые на первый взгляд кажутся порядочными. И на десятый тоже. Нутро у всех с гнильцой, даже у Вятичей. Вот!

Меня захлестнула обида на весь мужской род вообще и его представителя Вятича в частности. Пусть идет к своим фифам, я больше уговаривать не стану, а завтра пойду и договорюсь со стариком сама! И с Батыем буду воевать сама безо всяких там наставников, которые...

Вслед моей спине с крыльца раздался насмешливый вопрос:

– А если я завтра с тобой не пойду?

Я на миг замерла, не оборачиваясь, потом спокойно пожала плечами:

– Я и без тебя дорогу к Славену найду.

Вятич вмиг слетел с крыльца и оказался передо мной:

- Где ты его видела?!

- Ну не в обнимку же с девицами?

- Славен здесь?

- А чего ты испугался? Здесь, просил завтра прийти.

- Когда?

- Днем.

- Я сам пойду.

- Ну уж нет!

И снова он увидел мою удаляющуюся спину.

- Настя...

Я не разговариваю с предателями, променявшими общее дело на толстые ноги прелестниц!

На следующее утро, выйдя во двор, я обнаружила там Вятича, сидящего на колоде для колки дров и вырезающего что-то ножиком. Недовольно буркнув приветствие, проследовала к бочке с дождевой водой, разогнала в ней зелень, плеснула в лицо и отправилась обратно в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/natalya-pavlisheva/ubit-batyua>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)